

любви, справедливости, о том, чтобы превратить жизнь земли в симфонию, жизнь земных народов превратить в семью, в цветущее множество, в цветущее единство, противопоставляя это единство насилию и деспотизму одной отдельно взятой цивилизации. (Завтра, 20.11.2014). С помощью метафоры *русская мечта* автор описывает величие «своей» страны и дополняет данную метафору абстрактной лексикой (**свобода, любовь, справедливость, правда, красота**), которая приобретает положительную оценочность за счет того, что затрагивает идею об идеальной жизни. Журналист строит свое высказывание на противопоставлении (антитезе) русской мечты американской, которую описывает, употребляя ярко окрашенную негативную лексику (**насилие, деспотизм**).

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Коммуникативная категория «свой – чужой» в российской прессе реализуется разнообразными речевыми средствами: риторическая аргументация, цитация, дефиниции, антитеза, развернутая метафора, эпитеты, фразеологизмы, оценочная лексика с отрицательной и положительной коннотацией. Как в качественных, так и в оппозиционных изданиях прослеживается резко негативное отношение к «чужой» стране. США как представитель «чужой» страны изображается агрессором, врагом, злом, судьей. Образ России как представитель «своей» страны, напротив,

изображается положительно. Россию видят соперником, защитником и борцом за справедливость, великой страной. Необходимо отметить, что в оппозиционной прессе возрастает доля экспрессивно окрашенной лексики.

Примечания

- 1 См.: Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175.
- 2 Степанов Ю. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 472.
- 3 См.: Захарова Е. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. М., 2009. С. 164.
- 4 См.: Пеньковский А. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 : сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1989. С. 54.
- 5 См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 236.
- 6 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 996.
- 7 Клушина Н. Стилистика публицистического текста. М., 2008. С. 150.
- 8 Там же. С. 69.
- 9 Там же. С. 96.

УДК 811.112.2'271.2

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД (на материале немецкого языка)

Н. А. Трофимова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
E-mail: nelart@mail.ru

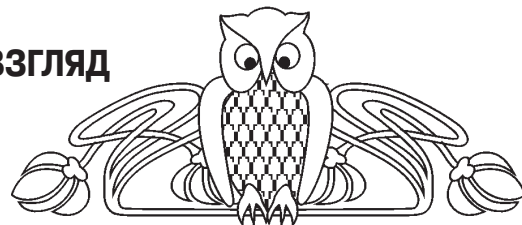
Статья посвящена рассмотрению специфического типа этикетных высказываний – соболезнований. В первой части анализируются прагматические условия совершения релевантных речевых действий, затем автор обращается к языковым операторам порождения и модификации элементов смысла высказываний соболезнования, завершает статью взгляд на косвенные способы выражения соболезнования.

Ключевые слова: этикет, ритуал, экспрессив, речевой акт, соболезнование, прагматические условия, интенция, пропозиция, эмоционально-оценочный, косвенный речевой акт.

Condolences: a Linguistic Perspective (on the Material of the German language)

N. A. Trofimova

The article deals with a specific type of etiquette statements – condolences. The first part analyzes the pragmatic conditions for making the

relevant speech acts, then the author covers the language operators which generate and modify the sense elements of condolences. The paper concludes with a view on indirect ways of expressing condolences.

Key words: etiquette, ritual, expressive, speech act, condolences, pragmatic terms, intention, proposition, emotional evaluation, indirect speech act.

Речевой акт соболезнования является, пожалуй, наиболее сложным для исследования в группе социативов – этикетных, ритуальных высказываний, что объясняется, вероятно, интимностью ситуации их произнесения и трудностями в подборе языкового материала для анализа. Однако именно специфичность этого речевого действия, а также его особая социальная значимость в процессе межличностной коммуникации настоятельно требуют подведения под их здание лингвистической

основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение. Автор настоящей статьи задался целью объективно взглянуть на прагматические условия совершения речевого действия соболезнования и особенности актуализации универсальных компонентов смысла в высказываниях, реализующих эти речевые акты¹. Материалом для анализа послужила выборка текстовых фрагментов стилизованной разговорной речи, смоделированной авторами художественных произведений с учетом закономерностей диалогического общения. Часть произведений представлена в виртуальном корпусе примеров COSMAS II, созданном Институтом немецкого языка в г. Маннгейм (ФРГ). Вторым источником языкового материала являются записи устных высказываний, сделанные автором.

Прагматическая характеристика. Соболезнование считается выражением сочувственной печали, скорби, которую психологи определяют как «более или менее стереотипную реакцию на потерю»². Это глубокая душевная боль, вызванная потерей близкого и дорогого человека, скорбь имеет особого рода «авторитет» по сравнению с другими чувствами: она определяет состояние, даже существование скорбящего, он не может просто силой взять себя в руки и отдать другим чувствам. Состояние скорбящего достоверно отражают слова из «Исповеди» Августина Блаженного по поводу смерти его друга: «Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом – обителью беспросветного горя; всё, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел всё, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: “Вот он придет”, как говорили об отсутствующем, когда он был жив. Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает меня, и не знала она, что ответить мне»³.

Люди, лично не затронутые горем потери, но поставленные перед лицом глубокой скорби других, с трудом могут избежать воздействия этого чувства. Соболезнование есть именно соболезнь, со-чувствие, это эмфатическая реакция на скорбь адресата, имплицитно оценивая смерть как собственную потерю говорящего. Безусловно, соболезнующий не способен устранить отрицательное эмоциональное состояние адресата, а адресат не способен подчиниться воздействию, направленному на улучшение его эмоционального состояния, но сам приход говорящего, его поддержка являются для адресата знаковыми.

Специфическую ситуацию общения, с которой связан речевой акт соболезнования, можно описать в виде следующих условий совершения этого речевого действия:

1) говорящий воспринимает некоторое положение вещей, которое заключается в смерти близкого адресату человека;

2) говорящий оценивает это положение вещей отрицательно по отношению к адресату и по отношению к самому себе;

3) говорящий сочувствует адресату в связи со смертью близкого ему человека.

Говорящий играет в речевых актах соболезнования роль наблюдателя, печальное событие касается только адресата и членов его семьи (выражать взаимное соболезнование между близкими покойного не принято, поскольку они все имеют непосредственное отношение к скорбному событию).

Социальные отношения между адресатом и говорящим не играют заметной роли в выражении соболезнования как такового. Все участники скорбной ситуации становятся равны между собой, социальные различия нивелируются, остается только участие, не знающее возрастных или статусных границ. Совершенно естественно, что соболезнование выражается не только близкому человеку, но и совершенно незнакомому. В обоих случаях сочувствие может быть как эмоциональным и искренним, так и ритуальным, выполняющим роль инструмента поддержания отношений. Все зависит от ситуации и от психологических особенностей человека, а также от его эмоционального состояния. Некоторые исследователи считают условие искренности необязательным при совершении речевого действия соболезнования (как, собственно, при совершении любого этикетного речевого действия), обосновывая свое мнение крайне формализованной формой его выражения. Однако использование общепринятых клише не обязательно означает, что говорящий абсолютно равнодушен к условиям событийного контекста. Формальные слова соболезнования являются рамочными элементами психологической поддержки, которая помогает близким ушедшего из жизни пережить потерю. В случае их недостаточности – это бывает понятно по ситуации – они дополняются другими речевыми действиями, выражаются более интенсивными, индивидуализированными языковыми средствами.

Что касается действительно неискреннего соболезнования (говорящий не испытывает сочувствия, но по тем или иным причинам выполняет ритуал), то такие речевые акты следует определить как ситуативно неискренние. При их рассмотрении играет роль морально-этическая категория лжи, мало имеющая отношение к категории искренности при совершении этикетных речевых актов.

Разумеется, чувства имеют разную временную протяженность и разную степень интенсивности. Но мы предполагаем, что эмоциональные состояния и эмотивный смысл в любом случае играют важную роль при совершении речевых действий соболезнования, поэтому вполне ло-

лично мнение о том, что степень искренности речевого акта является решающей: соболезнование всегда настолько искренне, насколько оно может быть таковым.

В устной речи соболезнование высказывается при первой встрече после смерти родственника адресата, это, как правило, церемония прощания с умершим или похорон. Но вербальному выражению соболезнования нередко ставятся ограничения: в газетных объявлениях о смерти часто встречается просьба *Von Beileidsbekundungen am Grabe bitten wir Abstand zu halten*. Этот факт доказывает, что письменная форма выражения соболезнования является сегодня более предпочтительной.

Сочувствие в письменной форме заносится в книгу соболезнований (*Kondolenzbuch*) или присылается в виде открыток (*Beileidskarten*), которые украшены соответствующими символами христианской церкви и траурной рамкой и считаются в западном обществе подобающим средством выражения соболезнования. В подобных открытках важно не только (или не столько) их графическое исполнение, но и обязательная их составляющая – формулы соболезнования, заменяющие индивидуальную реализацию этого речевого акта. Такие формулы как *Aufrichtige Anteilnahme* или *Herzliches Mitgefühl* с подписью соболезнующего представляют собой минимальную, но вполне достаточную реализацию действия соболезнования⁴.

Поведение пришедших проститься с умершим – печально-молчаливое, исполненное раздумья, ведь смерть человека – самое печальное событие из всех возможных. М. Шварц-Фризель определяет состояние выражающих соболезнование как состояние эмоциональной и вербальной беспомощности, они испытывают психологический дискомфорт и разговор между ними имеет тенденцию табуирования темы смерти, как можно более скорого исключения ее из дискурса. В этом проявляется стремление к эмоциональной самозащите, связанной с нежеланием обременять себя конфронтацией со смертью. За пределами релевантной ситуации, в повседневном общении тема ухода из жизни исчезает, она не является интегральной частью нормальной коммуникации⁵.

Форма общения при церемонии прощания или ритуале похорон жестко прескриптивна, морально обусловлена: не принято громко разговаривать, смеяться, проявлять радость и жизнелюбие, необходимо относиться с сочувствием к родным и близким умершего, разделяя их боль и горечь невозможной утраты. Коммуникативное поведение тяготеет к шаблонным формам, причина чему заключается в той самой коммуникативной беспомощности, когда понимаешь, что никакие слова неспособны изменить ситуацию. Конечно, использование общепринятых, социально приемлемых клише не снимает эмоционального напряжения скорбящих, но оно снижает риск совершить неверное речевое действие: использование

других, менее стереотипных форм высказывания чревато опасностью оскорбить чувства адресата. Например, высказывание соболезнования *Ich bin erschüttert, dass Ihr Sohn in so jungen Jahren sterben musste* может быть воспринято адресатом не как сочувствие по поводу самого факта смерти, а по поводу возраста умершего. Перлокутивным эффектом в таком случае будет не утешение, а раздражение или даже обида⁶.

Полиинтенциональность соболезнования.

Соболезнование – речевое действие, требующее тонкой работы души. Говорящий действует по ситуации: он либо произносит только традиционную клишированную фразу (*Mein Beileid!*), либо выражает искреннее сочувствие, используя для этого расширенный вариант выражения соболезнования, который может включать:

– констатацию со-чувствия: *Zwar kann ich deinen Schmerz nicht fühlen, aber ich teile deinen Kummer* (устн. выск.);

– положительную оценку покойного (*De mortuis nihil nisi bene* – о мертвых хорошо или ничего): *Es tut mir leid, Ursula. Er war ein so außergewöhnlich starker Mensch* (Hauptmann);

– немногословное воспоминание о том, какую роль покойный сыграл в жизни говорящего: *Dein Vater war ein einzigartiger Mensch, sein Tod ist auch für mich ein großer Verlust* (устн. выск.);

– сожаление о ранней кончине: *Furchtbar, dass er so früh gehen musste...* (устн. выск.);

– сочувствие/беспокойство по поводу психологического состояния близких покойного: *Es tut mir sehr leid um Ihren Mann, Frau Winkler. Mein herzliches Beileid. Es muss furchtbar sein* (Hauptmann). Логичным продолжением выражения беспокойства является предложение помощи семье умершего: *Wir möchten dir unser aufrichtiges Mitgefühl und unsere Anteilnahme aussprechen. Solltest du in diesen Tagen Hilfe benötigen, so kannst du dich zu jeder Zeit auf uns verlassen* (устн. выск.);

– пожелания сил, чтобы пережить скорбное время: *Möge unsere Hoffnung auf Auferstehung dir Kraft und Mut geben* (устн. выск.).

Таким образом, выражение искреннего соболезнования превращается в полиинтенциональный речевой акт, выполняющий наряду с ритуальной функцией еще и важную психологическую функцию – поддержать скорбящего, дать ему понять, что он не один, что окружающие его люди готовы подставить ему плечо.

Безусловно, наряду с речевым общением в подобных ситуациях используются паралингвистические элементы, которые в некоторых случаях полностью заменяют речевое общение, пожатие рук, дружеское объятие, поцелуй.

Речевой акт соболезнования в составе диалогического единства. Речевой акт соболезнования является инициативным коммуникативным ходом, поскольку он занимает начальную позицию в структуре диалогического обмена. Мнение Е. А. Митиной, рассматривающей со-

болезнование как «реактивный речевой жанр с перфектной перспективой»⁷, следует признать ошибочным, поскольку печальное событие, которое автор рассматривает как инициативный элемент, не является частью диалогической коммуникации. Норма согласования коммуникативных ходов по их «прагматической валентности» требует ответной реакции на соболезнование в виде благодарности за участие:

– ... *es tut mir sehr leid um Ihren Mann, Frau Winkler. Mein herzliches Beileid. Es muss furchtbar sein.*

– *Danke* (Hauptmann).

Реакция на соболезнование не бывает многословной – состояние острого горя, переживаемого близкими ушедшего из жизни, характеризуется сложностью концентрации внимания, относительным отсутствием интереса к другим людям и ситуативной активности. Поэтому благодарность за поддержку является, по сути, просто сигналом о том, что соболезнование принято, и выражается, как правило, только краткой клишированной формулой и/или тоже паралингвистическими средствами – кивком, рукопожатием и т. д.

Формирование смысла речевых актов соболезнования. Как уже говорилось, соболезнование в значительной степени несет печать ритуализации, которая обусловлена не только речевыми канонами, но и «правилами» жизни, которая проходит в многоаспектном, человеческом «измерении».

В типичной ситуации выражения соболезнования матричными формами речевого действия соболезнования являются эксплицитно-перформативные высказывания (*Ich spreche Ihnen mein aufrichtiges Beileid aus*). Их информативная формула включает иллокутивный и пропозициональный компоненты и может быть представлена как *Ich kondoliere Ihnen zum Tod Ihrer/Ihres N*. Перформативный глагол *kondolieren* встречается в своей канонической форме достаточно редко, в речевом общении иллокутивный компонент высказываний соболезнования бывает представлен развернутыми номинализациями *j-m sein Beileid, sein Bedauern, seine Anteilnahme, sein Mitgefühl aussprechen, ausdrücken, den Tod bedauern: Darf ich Ihnen mein herzliches Beileid zum Tode Ihres Mannes ausdrücken?* (Hauptmann).

Варьирование иллокутивного компонента зависит в первую очередь от полноты его репрезентации: он может иметь как развернутую (*Ich möchte Ihnen mein tiefstes Bedauern über das Ableben Ihres so geschätzten Herrn Gemahl aussprechen*), так и свернутую форму (*Meine aufrichtige Anteilnahme!*). Степень распространенности высказываний соболезнования колеблется в зависимости от ситуации и социальных отношений между действующими лицами: развернутое соболезнование значительно более официально и торжественно. Называние повода для соболезнования в этом случае стратегически важно,

хотя этот элемент ритуала является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицирование прагматических пресуппозиций, т. е. самоочевидной или хорошо известной информации⁸. Но ритуальное название повода для соболезнования (*Bedauern über das Ableben ..., Beileid zum Tode...*) выделяет его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем, подчеркивает торжественность скорбной церемонии. Краткое соболезнование обладает строгой интимностью, в нем нет ничего лишнего, пафосного, но оно достаточно для проявления теплого участия.

Нередко пропозиция высказываний соболезнования вуалируется, называется стилистически окрашенными перифразами (*Ableben, Hinscheiden, Heimgehen, Verlust*), что, с одной стороны, является следствием табуирования понятия *Tod* и негласных требований этикета использовать эвфемистические обозначения печального события. С другой стороны, использование перифраз *Ableben, Hinscheiden, Heimgehen* имплицитно христианское отношение к смерти как к неизбежному концу периода жизни на земле, который однако не означает прекращения существования вообще, а предполагает другую, «вечную» жизнь.

Синтагматика употребления существительных *Beileid, Bedauern, Mitgefühl* в краткой форме соболезнования допускает опущение связанных с ними антропокомпонентов – адресата и адресанта: присутствие обозначаемых ими лиц делает их называние, по сути, избыточным, а валентность перформатива допускает имплицирование зависимых актантов. Однако изолированное употребление названных существительных (*Beileid!*) сводит теплое участие в жизни скорбящего к сухой демонстрации собственного соответствия нормам этикета, принятым в данном обществе, которая никак не может утешить близких покойного. Поэтому такое употребление перформативных формул неузואльно, при использовании кратких перформативных номинаций облигаторно предполагается называние отправителя высказывания в форме соответствующего притяжательного местоимения: *Sie war Ihre Freundin? Mein Beileid* (Imbstweiler). Таким образом подчеркивается, что именно говорящий совершает речевой акт и выражает тем самым свое участие в жизни адресата. В случае possessивной представленности иллокутивного компонента и узואльной невозможности называния грамматического объекта речевого акта (*Mein Beileid für dich!*) существует возможность репрезентации адресата в форме обращения, значительно индивидуализирующего соболезнование, снижающего степень его формальности, клишированности, выводящего реляционный смысл в приоритетную позицию: *Herzliches Beileid, Berndt* (Imbstweiler).

Сила эмоциональной выразительности соболезнования варьируется и в зависимости от степени усложнения структуры его иллокутивного

компонента. К средствам модификации прагматического значения относятся, прежде всего, единицы лексического уровня – наречия *aufserordentlich, zutiefst, sehr* или прилагательные (в роли атрибута в номинализациях) *herzlich, tief, aufrichtig*. Включение этих единиц в состав высказывания вносит в клишированное выражение соболезнования элемент эмоциональности и теплого отношения к адресату: *Ich bedauere den Tod Ihres Bruders auferordentlich!*; *Was passiert ist, tut mir sehr leid, Frau Dipper. Mein herzliches Beileid* (Schneider). Такой лексический состав высказывания соболезнования – притяжательное местоимение + атрибут (часто в форме суперлатива *herzlichstes/tiefstes*) + перформативная номинализация *Beileid* – «зацементирован» в течение столетий, превратившись в своего рода прагматическую идиому⁹. Такие идиомы являются быстрым, мимолетным «касанием» партнера (тем самым вербальным «поглаживанием», по Э. Берну), которое, тем не менее, необыкновенно важно в повседневном общении вообще и в ситуации скорби адресата особенно.

В качестве модификаторов, интенсифицирующих прагматическое значение высказываний соболезнования, выступают и модальные глаголы, «прикрывающие» перформативную представленность интенции и окрашивающие смысл всего высказывания дополнительными модальными оттенками: *Ich möchte Ihnen mein herzliches Beileid zum Tode Ihrer Frau aussprechen* (устн. выск.). Анализ языкового материала позволяет нам констатировать, что в таких квазиперформативных речевых актах возможно употребление только модальных глаголов *müssen, wollen* и *mögen*, два последних встречаются в форме второго конъюнктива: *Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen* (Raimund); *Ich wollte Ihnen noch einmal mein Beileid aussprechen* (Gibert). Функции, выполняемые этими операторами модального смысла, идентичны во всех экспрессивных речевых актах – совершение некоторого «разбега» перед реализацией основной интенции, кроме того, вербализация преднамеренности, осмысленности речевого действия, маркирование его неспонтанного характера. Глагол со значением необходимости *müssen* уже по определению вносит в высказывание элемент вынужденности, незапланированности, но и необратимости события – повода для соболезнования: *Ich muss Ihnen zum Tode Ihres Vaters mein tiefes Mitgefühl zum Ausdruck bringen* (устн. выск.).

Примеров употребления глагола *sollen* в контексте прямого речевого акта соболезнования нам не встретилось, что свидетельствует о принципиальном соблюдении участниками ситуации общения правил ритуала. Высказывание типа *Ich soll dir kondolieren*, передающее волю третьего лица, но не включающее говорящего в число отправителей соболезнования, должно, вероятно, свидетельствовать об особом, возможно, негативном, отношении говорящего к адресату, нежелании ему соболезновать, что нарушает все правила

приличия и является неким вызовом адресату.

В целом следует подчеркнуть, что квазиперформативные высказывания соболезнования, модифицированные модальными глаголами, являются стилистически маркированными как формы подчеркнуто вежливые и, как и при выражении других речевых действий, содержат мысль не о желании, возможности или необходимости совершить действие, а выполняют функцию самого действия «здесь» и «сейчас», т. е. являются эквивалентными. Причинами появления модификаторов являются эмоциональная дистанция между коммуникантами, степень языковой компетенции адресанта, его психологический настрой. Кроме того, модальные глаголы выступают как менее интенсивный способ представления иллюкутивной силы соболезнования и являются поэтому знаком смущения, которое часто наблюдается в критических ситуациях.

Формирование смысла косвенных речевых актов соболезнования. Высказывания, не содержащие прямого указания на иллюкутивную цель, а также высказывания с прагматическим значением, не являющимся первичным с точки зрения их формально-синтаксической организации, реализуют косвенные речевые акты соболезнования. Они произносятся не во время ритуала прощания с умершим, а в различных иных ситуациях общения (например, неожиданное известие о смерти) (*Dein geliebter Vater hat seinen Frieden gefunden!*), наличие определенных эмоций (*Ich kann Ihren Schmerz sehr gut nachempfinden!*; *Ich fühle mit Ihnen!*), собственную эмоциональную реакцию на известие о смерти (*Ich bin fast ohnmächtig und total hilflos vor Trauer*). Во всех приведенных высказываниях имплицитно присутствует выражение соболезнования, которое однозначно читается в соответствующем контексте. Косвенные высказывания соболезнования могут включать также оценку события (*Welch ein furchtbarer Schlag für dich! Die Welt ist um einen lieben Menschen ärmer geworden!*), которые чаще всего имеют эллиптическую форму (*Wie schrecklich!*), не в последнюю очередь потому, что тема смерти является табу. В письменных формах выражения соболезнования мы находим косвенные высказывания, включающие оценку эмоционального состояния автора или адресата, например: *Der Tod deines Vaters hat mich sehr betroffen gemacht; Dass dein Vater so plötzlich verstorben ist, bewegt mich tief!*

Косвенные высказывания представлены самыми разнообразными предикатами, глагольными и именными, наиболее употребительным в связи с его «универсальным» значением является глагол *leid tun*: *Es tut mir leid, Ursula* (Hauptmann). Используя этот глагол, говорящий дает понять адресату, что он принимает участие в его горе (а не просто является сторонним наблюдателем), эгализируя тем самым потерю между собой и адресатом. Степень эмоциональности такого

высказывания повышается использованием наречия-интенсификатора *so*: *Es tut mir so leid!* Такая простая форма выражения своего участия очень часто предпочтительнее «правильных», но формальных слов соболезнования, ее использование предполагает, однако, некоторую интимность в отношении участников коммуникации.

Заключая это краткое «портретное» описание речевых актов соболезнования, можно констатировать, что выражение соболезнования эволюционирует в направлении к обезличиванию вежливых форм общения (т. е. к преобладанию рационального начала). Такое развитие диктуется эмоциональной неординарностью ситуации для задействованных в ней лиц и необходимостью выбора психологически щадящего режима общения с ними. Осторожность в выражении соболезнования приводит к эффекту обезличивания скорбного общения, который проявляется в универсальности использования кратких ритуальных формул, «разбавляемых» и индивидуализируемых только использованием обращений. Выход за рамки обезличенных формул связан с такими субъективными факторами, как личностное восприятие значимости действия или ситуации и желание

открыть партнеру свое эмоциональное видение ситуации.

Примечания

- 1 См.: Трофимова Н. Мозаика смысла : элементы и операторы их порождения. СПб., 2010.
- 2 Hoffmann N. Trauer // Euler H., Mandl H. (Hg.). Emotionspsychologie. Ein Handbuch in Schlüsselbegriffen. München etc., 1983. С. 183.
- 3 Августин А. Исповедь / пер. с лат. и коммент. М. Е. Сергиенко. М., 1992. IV/4.
- 4 См.: Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. Göppingen, 1991. S. 276.
- 5 См.: Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen ; Basel, 2007. S. 271.
- 6 См.: Marten-Cleef S. Op. cit. S. 277.
- 7 Митина Е. Речевой жанр «соболезнование» в русской лингвокультуре // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 2 (236). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 56.
- 8 См.: Клюев Е. Речевая коммуникация. М., 1998. С. 88.
- 9 См.: Földes Cs. Überlegungen zum lexikographischen Konzept eines phraseologischen Wörterbuchs // Muttersprache (Wiesbaden). 1995. № 1. S. 67.

УДК 811.161.1'282.3(470.313)

О НАИМЕНОВАНИЯХ БЛЮД ИЗ КРУП И МОЛОКА В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. В. Илюкина

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
E-mail: llv72@yandex.ru

Статья посвящена описанию одного из фрагментов пищевой номенклатуры в говорах Сараевского района Рязанской области. В исследовании представлено лингвистическое описание наименований блюд из круп и молока. Работа является продолжением изучения рязанских говоров, материалы которых служат важным источником для исследования развития лексической диалектной системы.

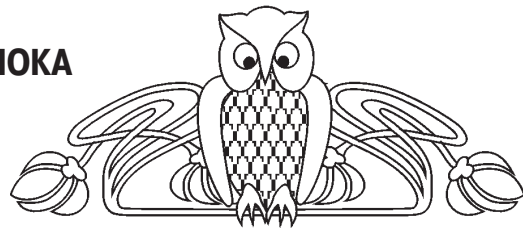
Ключевые слова: пищевая номенклатура, рязанские говоры, лексемы, номинация, наименования блюд из круп и молока.

On the Names of Grain and Milk Dishes in Some Modern Dialects of Ryazan Region

L. V. Ilyukina

The article deals with the description of one of the fragments of the food stock-list in the dialects of Sarajevo district of Ryazan region. The research presents a linguistic description of the names of grain and milk dishes. This work continues the studies of Ryazan dialects, the materials of which provide an important source for researching the development of lexical dialect system.

Key words: food stock-list, Ryazan dialects, lexemes, nomination, names of grain and milk dishes.

Всестороннее и разноаспектное изучение диалектной лексики является одной из первоочередных задач современной лингвистики. Актуальной и перспективной, несмотря на обилие статей и монографий (С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина, М. Забылин, Д. К. Зеленин, Н. И. Костомаров, Л. С. Лаврентьева, В. А. Липинская, Г. С. Маслова, Л. Нидерле, В. В. Похлебкин, П. В. Романов, В. К. Соколова, Л. Н. Чижикова, М. Н. Шмелева и др.), посвященных данному вопросу, остается задача описания отдельных тематических групп региональной лексики. Особого внимания заслуживает номенклатура пищи.

Основная цель статьи – проанализировать диалектную лексику, связанную с названиями кушаний из круп и молока, зафиксированную автором в говорах Сараевского района Рязанской области, с точки зрения происхождения и употребления. В ходе исследования решены следующие задачи: рассмотрены принципы номинации, мотивировочные признаки, структурные типы наименований, а также способы словообразования лексем в сараевских говорах.

Сбор материала проводился методом беседы и полевого анкетирования с учетом этнолингви-